

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

К. А. Жуков

ЭГЕЙСКИЕ ЭМИРАТЫ

В XIV–XV ВВ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1988

Ответственный редактор

М. С. МЕЙЕР

Рецензенты

Г. Л. КУРБАТОВ, И. Е. ПЕТРОСЯН

В книге впервые в отечественной историографии проведено комплексное историческое исследование группы эмиратов (бейликов) эгейского региона Малой Азии. На материале сельджукских и османских хроник, сочинений средневековых византийских и западноевропейских авторов, публикаций венецианских архивных материалов, данных эпиграфики и нумизматики рассмотрен ряд ключевых вопросов политической и социально-экономической истории турецких бейликов Ментеше, Айдын, Сарухан и Кареси. Особое внимание уделено внешне-экономическим связям, в основном с Венецией и Генуей. Отдельный очерк посвящен культуре эмиратов.

Ж 0504020000-084
013(02)-88 141-88

Константин Александрович Жуков
ЭГЕЙСКИЕ ЭМИРАТЫ В XIV—XV вв.

Утверждено к печати Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор М. И. Штемпель. Младший редактор Л. А. Добродеева.
Художник Б. Г. Дударев. Художественный редактор Э. Л. Эрман.
Технический редактор Г. А. Никитина. Корректор Е. В. Карюкина

ИБ № 15954

Сдано в набор 10.11.87. Подписано к печати 09.03.88. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. п. л. 12,0. Усл. кр.-отт. 12,25. Уч.-изд. л. 14,01. Тираж 2250 экз.
Изд. № 6429. Зак. № 838. Цена 1 р. 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1988.

Предлагаемая работа посвящена истории турецких эмиратов (бейликов) Западной Малой Азии — Ментеше, Айдын, Сарухан и Кареси (Караси), которые благодаря наличию общих черт в политической, социальной и экономической жизни представляли собой особую группу среди анатолийских бейликов, образовавшихся в ходе двух параллельных процессов: распада Конийского султаната и завоевания турками восточных провинций Византийской империи.

Результат этих процессов отражает политическая карта Малой Азии XIV в., напоминающая мозаичную картину: в отдельные годы здесь насчитывалось около двух десятков самостоятельных бейликов, один из которых стал зародышем могущественной Османской империи. Именно поэтому до недавнего времени исследователи уделяли основное внимание Османскому бейлику, рассматривая историю остальных анатолийских эмиратов как прелюдию к истории Османской империи. Подобный подход, во многом продиктованный османским характером подавляющего большинства источников, привел к некоторой односторонности и даже упрощенности в понимании путей развития турецкого средневекового общества в Малой Азии. Стала ощутимой необходимость дифференцированного подхода к истории анатолийских бейликов, при котором углубленное изучение отдельных бейликов или региональных групп органично сочеталось бы с исследованием достаточно длительного процесса инкорпорации анатолийских эмиратов в состав Османской империи.

Важность изучения турецких эмиратов Эгейского побережья Малой Азии уже в прошлом столетии была понята в отечественной исторической науке. Еще в 1883 г. в рецензии на первый том «Венециано-Левантйского дипломатария» русский ученый Т. Д. Флоринский писал: «Причины быстрого роста могущества турок нужно искать еще в первой половине XIV века. При общей оценке такого важного мирового события, как утверждение турок в Европе, естественно, должно представлять большой интерес изучение обществ, вызвавших его происхождение и обусловивших именно такое, а не иное развитие его» [231, № 2, с. 37]. Т. Д. Флоринский одним из первых рассмотрел на материале доступных в то время исследователю источников ряд сюжетов из области истории византийско-турецких отношений в первой половине XIV в. [230], причем некоторые наблюдения ученого сохраняют свою ценность и по сей день.

(акче) Ибрахима Ментешеоглу, чеканенная в Милясе*. Важным событием, несомненно, стала публикация нумизматических находок, сделанных американскими археологами в Сардах (более 100 монет различных турецких династий XIV—начала XV в.)**.

Наконец, в 1983 г. Э. А. Захариаду опубликовала восемь договоров, заключенных венецианскими дукатами Крита с эмирами бейликов Ментеше и Айдын в период с 1331 по 1407 г. Исследование этих договоров позволило Э. А. Захариаду существенно расширить представления (сложившиеся благодаря работам В. Гейда, Л. де Мас Латри и Фр. Тирье) о венециано-турецких (в первую очередь торговых) взаимоотношениях в XIV—начале XV в., внести коррективы в представления о политической истории эмиратов, дополнить наши знания об общеполитической обстановке этого периода в Восточном Средиземноморье [472]. Подробную характеристику исследования Э. А. Захариаду читатель может найти в моей рецензии [192, с. 256—260]. Появление монографии Э. А. Захариаду открыло новый этап в изучении Эгейских эмиратов. Серия договоров, опубликованных исследовательницей, и их анализ предоставили туркологам уникальный материал, позволяющий в настоящее время перейти к исследованию внутриэкономической жизни бейликов.

Одна из главных целей нашей работы — установление уровня общественного развития Эгейских эмиратов в XIV в. Это позволило бы ответить на многие вопросы, связанные с процессом формирования турецкого централизованного государства на территории Западной Малой Азии. В настоящее время историки-марксисты по-разному оценивают уровень развития эмиратов. Так, например, болгарская османистка В. П. Мутафчиева полагает, что в бейликах господствовали зрелые феодальные отношения и не существовало верховной собственности государства на землю [206, с. 15, 23, 34], в то же время историк из ГДР Э. Вернер склонен считать, что общественное развитие в бейликах остановилось на этапе перехода от военной демократии к примитивному патриархальному феодализму [454, с. 98]. Взгляды В. П. Мутафчиевой подверглись критике со стороны югославского исследователя Н. Филиповича [309, с. 300—301, примеч. 376]. По его мнению, одно из фундаментальных различий между Османским бейликом и Эгейскими эмиратами заключалось в том, что процесс феодализации общества в Османском бейлике шел быстрее, последовательнее и основательнее,

* Считаю своим приятным долгом выразить искреннюю признательность хранителю Отдела нумизматики М. Б. Северовой за предоставленную мне возможность работать с монетами турецких династий.

** Greek, Roman and Islamic Coins from Sardis, ed.: T. V. Battrey, A. Johnston, K. M. MacKenzie, M. L. Bates. Cambridge (Mass.), 1981. К сожалению, мне удалось ознакомиться с этой книгой после сдачи рукописи моей монографии в печать.

чем в других западноанатолийских эмиратах [308, с. 89]. Н. Филипович, следуя концепции П. Виттека, рассматривает Эгейские эмираты как протогосударственные образования «пиратского типа» [308, с. 79; 309, с. 301, примеч. 376].

Подобное расхождение во взглядах можно объяснить, пожалуй, только одним — ограниченным числом специальных исследований по экономической истории Турции периода бейликов. Отчасти восполнить этот пробел призвана настоящая работа, в которой предпринята попытка систематизировать накопленный фактический материал по одному из регионов Малой Азии и наметить некоторые черты будущей концепции исторического развития турецкого общества в период бейликов.

Исследование истории бейликов сопряжено с большими трудностями, поскольку источники по этому периоду истории Турции хотя и многочисленны, но чрезвычайно неоднородны (исторические хроники, записи путешественников, агнографические сочинения, произведения эпистолярного жанра, торговые трактаты, дипломатические документы, актовые материалы, вакуфные грамоты, опубликованные выдержки из османских вакуфных и тимарных дефтеров, нумизматический и эпиграфический материал), они неравномерно освещают различные периоды истории бейликов, зачастую отрывочны и малоинформативны.

Комплексное использование источников позволяет в общих чертах представить ход политических, социально-экономических и этнокультурных процессов в Эгейских эмиратах, но только при условии применения специальных методов работы, таких, как, например, разработанный французскими туркологами Н. Белдичану и И. Белдичану-Штайнер метод использования османских документов XV—XVI вв. для оценки различных сторон экономической жизни в Малой Азии в доосманский период.

Ограниченность прямых данных о внутриэкономической жизни бейликов поднимает значение углубленного исследования внешнеэкономических связей эмиратов, достаточно отраженных в итальянских, в первую очередь венецианских и генуэзских, документах. Полученная таким образом информация может быть использована для оценки масштабов, уровня развития и характера внутреннего производства. Подобный прием с успехом был применен, в частности, советским исследователем С. П. Карповым в его работе о Трапезундской империи [1936].

Изложенным выше объясняется структура данной книги, в которой глава о внешнеэкономических связях (гл. II) предшествует разделу, посвященному вопросам социально-экономической жизни в Эгейских эмиратах. Кроме того, гл. II во многом проясняет и дополняет раздел по политической истории, помещенный в начале работы.

ВВЕДЕНИЕ

Три основных фактора определили переломный характер эпохи XIII—XIV вв. в истории восточносредиземноморского региона: разгром Византии рыцарями четвертого крестового похода, вторжение монголов в пределы Малой Азии и Юго-Восточной Европы, а также экономическая экспансия и постоянное соперничество двух крупнейших морских республик средневековья — Венеции и Генуи.

После захвата в апреле 1204 г. Константинополя рыцари-крестоносцы и Венеция приступили к дележу византийского наследства. На бывших византийских территориях сформировалось несколько латинских государств: Латинская империя со столицей в Константинополе (1204—1261), Фессалоникское государство (1204—1224), Ахейское, или Морейское, княжество (1205—1432), Афинская сеньория (1205—1456, с 1260 — герцогство). Несколько ранее Ричард Львиное Сердце отторг от Византии Кипр. С 1192 г. на острове обосновалась королевская династия Лузиньянов, правившая здесь до 1489 г.

Венеция приобрела Крит (1206—1669), порты Корон и Модон на Южном Пелопоннесе и некоторые другие территории. В 1209 г. венецианский протекторат был установлен над Эвбеей (Негропонтом), а в 1390 г. остров перешел под непосредственное управление Республики св. Марка.

Ряд островов на Эгейском море был завоеван представителями венецианских патрицианских семейств. Так, Сануди (лишь номинально являвшиеся вассалами князей Ахейи) правили в созданном ими герцогстве Архипелага (Наксоса) с 1207 по 1361 г.; затем герцогство, включавшее наиболее крупные из Кикладских островов, перешло к роду Криспи (1383—1566). Вассалы наксосских герцогов владели соседними островами: Венеры управляли Киферой (1207—1363), Бароцци — Санторини (1207—1335). Вассалами князей Ахейи были Гизи, захватившие Тинос, Миконос и Аморгос (1207—1390). Острова нередко переходили из рук в руки, их правители враждовали между собой, часто прибегали к помощи Венеции, передавали ей свои владения. Ряд подобных территорий, кроме того, был присоединен со временем к владениям республики силой¹ [322, с. 551—560; 194а, с. 86—87; 472, с. 90—103].

Поражение армии крестоносцев в битве с болгарским царем Калояном под Адрианополем (14 апреля 1205 г.) позволило грекам консолидировать свои силы на окраинах бывшей империи: в Трапезунде (до 1461 г.) укрепилась династия Великих

Комнинов; во главе Эпирского царства встала династия Ангелов. Основателем Никейской империи, возникшей на северо-западе Малой Азии, стал Феодор I Ласкарь. Сложные задачи пришлось решать этому государю, чтобы сдержать дальнейшее распространение латинского владычества. Прежде всего было необходимо укрепить тылы, а именно: добиться мирных отношений с турками-сельджуками Конийского султаната.

Сельджуки уже давно стали соседями византийцев. Путь сельджукским завоеваниям в Малой Азии открыла битва при Манцикерте (Малазгирте) 1071 г., в которой войска византийского императора Романа IV Диогена были наголову разгромлены армией Алп-Арслана, второго султана из династии Великих Сельджукидов. При его преемнике султанике Мелик-шахе (1072—1092) значительная часть Малой Азии перешла под управление сельджуков, здесь возникают эмират Данышмендидов (столица — Сивас) и Румский (Конийский) султанат, столицей которого с 1081 по 1097 г. была Никея, а приблизительно с 1134 г. — Иконий (Конья).

Во время первого крестового похода (1096—1099) сельджуки были разбиты под Дорилеем (1097 г.) и потеряли Никею. Через несколько десятилетий им удалось оправиться от удара. В 1176 г. византийская армия потерпела сокрушительное поражение в битве с сельджуками при Мириоцефале. В Константинополе были утрачены последние надежды на возвращение потерянных территорий. Вскоре после этой победы Сельджукиды Рума подчинили государство Данышмендидов и, таким образом, объединили под своей властью центральную и восточную части Малой Азии.

В первые годы после захвата латинянами Константинополя в Конье примирились с существованием Никейской империи, рассматривая ее как буферное государство, прикрывавшее султанат от мечей крестоносцев. Кроме того, сельджукские султаны вынашивали планы завоевания Атталии, крупного портового города на юге Малой Азии, обладание которым сулило большие экономические выгоды. Поэтому султан Гияседдин Кейхюсрев I охотно пошел на заключение мирной договоренности с Феодором I Ласкарем [187, с. 101; 402а, с. 58—59, 86]. В 1207 г. сельджуки захватили Атталию и сразу же заключили торговое соглашение с венецианцами, предупредив таким образом возможные совместные антисельджукские действия крестоносцев и Венеции [402а, с. 86—89].

В свою очередь, мирная передышка позволила Феодору I к весне 1211 г. консолидировать свои силы и закончить приготовления к походу на Константинополь [187, с. 101; 188, с. 48]. Этим планам не суждено было осуществиться: султан Гияседдин Кейхюсрев I, достигнув своих целей, решил использовать благоприятную возможность, чтобы одним ударом покончить с Никейской империей. Вероломство, однако, не принесло успеха: 20-тысячное войско сельджуков в июне 1211 г. было разгром-

лено при Антиохии на Меандре, а сам султан пал на поле боя [188, с. 48–51].

Результатом этой битвы была стабилизация на долгие годы границ между Никейской империей и Конийским султанатом. Моральное же воздействие одержанной победы на греческое население империи было столь велико, что даже серьезные неудачи византийского оружия в войне с латинским императором Генрихом Фландрским в 1211–1212 гг. не смогли сломить Никиею [188, с. 52, 56; 402а, с. 105–106, 111].

Жизнеспособность Никейской империи в первую очередь была обусловлена внутренней политикой Ласкаридов, направленной на усиление центральной власти. В этот период в империи была приостановлена тенденция к превращению проний (условных земельных владений) в наследственные, размеры этих служебных пожалований были ограничены. За счет увеличения императорского домена были упрочены позиции самого императора. Укрепился государственный контроль на местах как в городах, так и в отдаленных провинциях. Протекционистская политика Иоанна Ватаца (1222–1254) способствовала оживлению ремесленного производства, расширились торговые связи между империей и Конийским султанатом. Со временем был восстановлен флот, усилена армия. Политику императора поддерживала церковь. В результате Никейская империя смогла начать борьбу за восстановление Византии [194б, с. 172–173].

Собирание византийских земель на Балканах было облегчено тем, что в 1241–1242 гг. Болгария, подвергшаяся нашествию монголо-татар, уже не являлась серьезным соперником для никейских императоров. К 1246 г. Иоанн Ватац присоединил к своей державе территории в Северной Фракии и Македонии, Адрианополь (Эдирне) и Фессалонику (Салоники), а также часть Эпирского царства.

Битва при Пелагони (1259 г.), в которой никейские войска разгромили соединенные силы Эпира и латинян Ахейи, была прелюдией к захвату Константинополя. Это хорошо понимали, в частности, генуэзцы, утратившие свои позиции в Константинополе после образования Латинской империи. (Генуя не принимала участия в четвертом крестовом походе). Кроме того, Лигурийская республика стремилась взять реванш за поражение в войне с Венецией 1256–1258 гг. В результате между Генуей и императором Михаилом VIII Палеологом (1259–1282) был заключен союз. По Нимфейскому договору (13 марта 1261 г.) республика брала на себя обязательство предоставить свой флот для отвоевания Константинополя. Обязательство это было выполнено; правда, генуэзцам не довелось принять участие в боевых действиях: когда их флот подошел к Константинополю, город уже находился в руках византийского полководца Алексея Стратигопула (25 июня 1261 г.).

Все же генуэзцы полностью получили обещанные по догово-

ру привилегии. Генуе гарантировалась свобода торговли в Византии и на Черном море. Генуэзцы получили право основать фактории в Смирне (Измире), в Анее и Адрамиттии (Эдремите), на о-вах Хиосе и Лесбосе, а также в ряде других пунктов. Договор открыл для Генуи ворота в Романию: в 1275 г. в руки генуэзского клана Дзаккария перешла Фокея с ее богатейшими квасцовыми копиями, а в 1304 г. Дзаккария получила также Хиос, известный своей знаменитой мастикой и редким вином. Фокея принадлежала генуэзцам до 1455 г., Хиос — до 1566 г. Генуэзский род Гаттилузи обосновался на Лесбосе (1355–1462), а непосредственно в Константинополе генуэзцы получили предместье Перу (Галату), которое к 1303 г. превратилось в хорошо укрепленный город-крепость².

Михаил Палеолог старался проводить сбалансированную политику, поэтому в 1265 г. он пошел также на союз с соперником Генуи — Республикой св. Марка. Венецианцам также были предоставлены торговые привилегии [328, т. 1, с. 428–432, 438, 463; 193б]. Договоры с Византией позволили как генуэзцам, так и венецианцам обосноваться на берегах Черного моря. Здесь с конца XIII в. возникают многочисленные фактории итальянских республик (генуэзские фактории в Каффе и Солдае (Судак), венецианские и генуэзские фактории в Трапезунде и Тане, а также ряд других).

В первое время союзы с крупнейшими итальянскими республиками имели большое значение для только что восстановленной Византийской империи, однако в дальнейшем они привели к самым серьезным последствиям, открыв дорогу итальянской экономической экспансии.

Подъем итальянских городов требовал постоянного увеличения импорта продовольствия для удовлетворения потребностей растущего населения, а развитие мануфактурного производства — постоянного ввоза сырья. Гибкие формы организации торговли, разнообразные формы коммерческого кредита, а также полученные по договорам торговые привилегии позволили итальянскому купечеству монополизировать в империи не только внешнюю торговлю, но и в значительной степени внутреннюю оптовую торговлю продовольствием. Одновременно рост итальянского экспорта готовых изделий стал губительно сказываться на ремесленном производстве в самой Византии. Все это, в сочетании с общим подъемом феодального хозяйства в империи, привело к упадку многих византийских городов [194б, с. 175–178].

Параллельно экономической шла территориальная экспансия Генуи и Венеции, которые при любом удобном случае старались округлить свои владения за счет Византии. От республик не отставали в этом отношении и другие латиняне. Так, например, рыцари-госпитальеры, изгнанные в 1291 г. мамлюками из Палестины, в 1306–1309 гг. захватили о-в Родос, ставший до 1522 г. оплотом Ордена св. Иоанна. К владениям Ордена

были также присоединены принадлежавшие прежде Византии Додеканесские острова.

Борьба с латинянами, болгарами и сербами полностью занимала внимание Константинополя после восстановления империи. А тем временем на Востоке, в Малой Азии, уже появлялись первые признаки грядущей опасности. После памятной битвы при Антиохии (1211 г.) отношения Никейской империи с Конийским султанатом носили в основном мирный характер. Сельджуки были заняты борьбой с Левоном II (1198—1219), королем армянского Киликийского государства, а также планировали захват Синопа. Этот замысел им удалось осуществить в 1214 г. Тогда же трапезундский император стал вассалом сельджукского султана.

При султанине Алаеддине Кейкубаде I (1220—1237) Конийский султанат достиг апогея своего могущества. Новые территориальные приобретения были сделаны на юге [захват Калонороса (Канделора, Алайи/Аланьи) в 1221 г.], на северных границах положение султаната настолько укрепилось, что в 1222 г.³ сельджуки даже предприняли морской поход на Судак и на некоторое время овладели этим городом [402а, с. 152—154, 172—174], тогда же на востоке к владениям султана был присоединен Эрзинджан. Возможно, вскоре султан попытался бы изменить свою политику в отношении Никейской империи, но в это время до Коньи донеслось первое эхо монгольского нашествия. У Эрзурума и Ахлата сельджуки столкнулись с сильным и опасным противником — Джелаледином Мангуберти, сыном шаха Хорезма Мухаммеда.

Отступая под натиском монгольских полчищ, разгромивших Хорезм в 1220 г., Джелаледдину удалось на некоторое время объединить под своей властью Хорасан и обширные сопредельные области. В 1230 г. он решил присоединить к своим владениям и Малую Азию. Начавшаяся борьба завершилась победой сельджуков: в августе 1230 г. в долине Ясычимен у Эрзинджана войска султана и его союзников разгромили противника. Джелаледдин бежал с поля битвы и вскоре погиб в горах Курдистана. Многие полководцы Джелаледдина с остатками своих войск перешли на службу к Алаеддину Кейкубаду I, часть хорезмийцев подалась к Эюбидам и приняла участие в борьбе с крестоносцами за Иерусалим [285, с. 126—131; 402а, с. 177—182; 1766, с. 181—188].

Хорезмийцы были лишь одними из многих в потоке изгнанников, стремившихся найти убежище от монголов в Малой Азии. Среди этих переселенцев были в основном тюркские кочевые племена, а также горожане Средней Азии и Ирана [186, с. 126—127]. Значительный приток кочевых племен имел серьезные последствия социального и политического характера. В 1239—1240 гг. в восточных районах Конийского султаната произошло крупное выступление кочевников против центральной власти (восстание шейха Исхака). Это восстание, подавить ко-

торое султану Гияседдину Кейхюсреву II (1237—1245) удалось с большим трудом, серьезно ослабило султанат перед лицом монгольской угрозы [285, с. 136—137; 448, с. 134; 394а, с. 98—102].

В Никее также хорошо понимали опасность, исходившую от монголов, поэтому уже с середины 30-х годов XIII в. Иоанн III Ватац стал проводить политику сближения с сельджуками. В битве с монголами при Кесе-даге (26 июня 1243 г.) в состав сельджукского войска входил, в частности, тысячный наемный отряд из Никейской империи. Сражение закончилось полным разгромом сельджуков. Полчища Байджу, разграбив Сивас и Кайсери и сделав данником Конийский султанат, отхлынули на зимнюю стоянку в Муган к Каспию. В этот период окончательно оформился союз между Ватацем и Кейхюсревом II. Союзные отношения между императорами Никей и сельджукскими султанами не претерпевали серьезных изменений вплоть до начала царствования Михаила Палеолога. В междоусобной борьбе за сельджукский престол, начавшейся после смерти султана Кейхюсрева II (1245 г.) между его тремя сыновьями — Иззедином Кейкавусом, Рукнеддином Кылыч Арсланом и Алаеддином Кейкубадом, Никей поддерживала первого. Эта поддержка сразу же прекратилась после поражения Иззедина Кейкавуса II и его бегства к Михаилу Палеологу в 1260 г. Император, желая полностью обезопасить свои восточные границы перед решительным наступлением на Константинополь, пошел на заключение договора о дружбе с ильханом Хулагу [189; 285, с. 137—138, 269—272].

Византийско-монгольский договор позволил также обеим сторонам на время отдалить от себя угрозу, которую таила растущая сила тюркских кочевников, сосредоточившихся в приграничных зонах по всей территории Малой Азии [189, с. 99—100; 285, с. 280—283]. Но это была лишь временная передышка, на периферии уже начиналось рождение новой Турции.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение	8
Глава I. Политическая история Эгейских эмиратов	14
Распад Конийского султаната и образование первых бейликов	14
Турецкое завоевание восточных провинций Византийской империи. Образование эмиратов Ментеше, Айдын, Сарухан, Кареси	19
Отношения эмиратов с латинскими государствами Средиземноморья, Византией и Гермиянским бейликом в 1306—1334 гг.	27
Византийско-турецкие отношения (1335—1348). Крестовый поход на Смирну	36
Упадок эмиратов. Усиление Османского султаната. Завоевание бейлика Кареси	45
Османское завоевание бейликов Айдын, Сарухан и Ментеше (1390 г.). Вторжение Тимура в Малую Азию (1402 г.). Разгром державы Баязида I	56
Эмираты в период Междоусобия (1403—1413). Восстание Берклюдже Мустафы и Торлака Ху Кемалья в Айдыне и Сарухане	62
Сепаратистское выступление измирского бея Джунейда. Присоединение бейликов Айдын и Ментеше к Османской державе в 1424—1425 гг.	70
Глава II. Экономические связи Эгейских эмиратов со странами Средиземноморья	77
Первые торговые контакты с венецианцами, генуэзцами и госпитальерами (60-е годы XIII — 20-е годы XIV в.)	77
Период расширения экономических связей со странами Средиземноморья (1331—1389)	82
Свертывание внешнеэкономических связей при османцах (1390—1402). Внешняя торговля в 1403—1414 гг.	102
Глава III. Некоторые черты социально-экономической жизни в Эгейских эмиратах	109
Внутренняя торговля, ремесло и промыслы	109
Категории землевладения. Структура зависимого класса	116
Формирование государственной структуры. Военное дело	124
Глава IV. Некоторые черты культуры Эгейских эмиратов	131
Особенности религиозной ситуации	131
Научная и литературная деятельность	136
Заключение	141
Примечания	145
Библиография	165
Словарь некоторых специальных терминов	185
Генеалогические схемы	188